

А. В. Черных, А. В. Вострокнутов
**ИДЕНТИЧНОСТЬ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ
 СТАРООБРЯДЦЕВ «СОГЛАСИЯ ПО КРЕСТУ» НИЖНЕЙ КАМЫ
 ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ***

doi: 10.30759/1728-9718-2020-3(68)-26-34

УДК39(470.4+470.5)

ББК 63-5(235.55)

Исследование посвящено одному из старообрядческих согласий Нижней Камы — «согласию по кресту», рябиновскому согласию, одному из редких и почти не изученных направлений старообрядцев Поволжья и Урала. На основе полевых этнографических материалов и опубликованных источников и литературы исследуются особенности конфессиональной идентичности, в том числе лингвистические номинации для обозначения согласия, определяется размытость современных представлений о согласии, использовании только термина «старовер» для обозначения своей конфессиональной принадлежности в условиях сложного многоконфессионального сообщества территории. Определяются основные конфессиональные маркеры, среди которых подробно рассмотрено бытование нательных деревянных крестов (и их особенности), а также деревянных крестов и киотов — характерных и наиболее значимых атрибутов согласия. Собранные этнографические материалы расширили комплекс представлений о «согласии по кресту», что существенно дополняет имеющиеся сведения из ранних источников и литературы. Выявленный и проанализированный нами комплекс предметов позволяет предполагать отсутствие единой для согласия традиции и существование не только нескольких локальных вариантов использования и размещения деревянных крестов, но и различных особенностей вероучения и конфессиональной жизни. В статье анализируются также особенности функционирования современных общин рябиновцев на Нижней Каме. Отмечаются кризис в передаче конфессиональных традиций и прекращение активной деятельности общин в последние десятилетия.

Ключевые слова: старообрядчество, Нижняя Кама, согласие по кресту, рябиновское согласие, конфессиональная идентичность, конфессиональные границы

История и традиционная культура старообрядчества Урала и Среднего Поволжья имеют многолетнюю традицию научного изучения и обширное историографическое наследие. В то же время далеко не все старообрядческие согласия региона изучены в равной мере. Как справедливо отмечают исследователи, незначительное число приверженцев (в сравнении с крупными, основными согласиями), невысокая активность в проповедовании своей веры, «в которой к тому же не обнаруживалось признаков “вредного”», выводили неко-

торые старообрядческие согласия из сферы пристального внимания государственной власти и миссионеров, поэтому сведений о них в источниках отразилось крайне мало.¹ Дисперсность в расселении, размывание и исчезновение конфессиональных общин таких групп в XX в. обусловили и слабое внимание к ним со стороны этнографов и фольклористов. К одним из таких согласий можно отнести распространенное на территории Урала и Поволжья «согласие по кресту» (рябиновское согласие, рябинников или рябиновцев).

История и особенности данного согласия отражены в целом ряде дореволюционных публикаций.² По большей части это сведения о рябиновцах в обзорных работах по старообрядчеству, либо описание конкретных

Черных Александр Васильевич — чл.-корр. РАН, заведующий сектором этнологических исследований Отдела истории, археологии и этнографии, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь)
 E-mail: atschernych@yandex.ru

Вострокнутов Артем Викторович — к.и.н., доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь)
 E-mail: art-vostr@mail.ru

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья» (рук. А. В. Черных)

¹ Боровик Ю. В. «В нашей стране таковых разных толков и разных понятий... перенаполнено» (К истории некоторых старообрядческих согласий Урала и Зауралья в начале XX в.: спасовцы, рябиновцы, самокресты) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2005. Вып. 6. С. 294.

² См.: Мельников П. И. Письма о расколе. СПб., 1862; Палладий (архимандрит). Обзорение Пермского раскола. СПб., 1863; Ивановский Н. И. О рябиновщине // Православный собеседник. 1867. Т. 2. С. 43–66; Гренков А. Несколько слов о расколе в Казанской губернии // Православный собеседник. 1867. Т. 2. С. 215–235.

поселений и районов их расселения, в которых также даются некоторые характеристики их вероучения и культа. Среди работ последнего времени, которые вводят новые источники и анализируют особенности рябиновцев Урала и Среднего Поволжья, следует назвать несколько статей, прежде всего исследование Ю. В. Боровик на основе опубликованных источников и архивных материалов,³ публикацию архивных документов А. В. Крестьянинова,⁴ статистические материалы, помещенные в статьях и других исследованиях о старообрядцах Казанской губернии И. Р. Латыпова,⁵ и статью казанского исследователя И. В. Мясниковой на основе полевых материалов последнего времени.⁶ Как видно из приведенного обзора, историография рябиновцев насчитывает лишь несколько исследований, которые не раскрывают в полной мере феномена старообрядчества рябиновского согласия, часто приводят краткие и противоречивые сведения о нем. В настоящее время, как справедливо подмечено Ю. В. Боровик, нет исследования, в котором была бы подробно рассмотрена и история «согласия по кресту».⁷ В этом контексте по-прежнему актуальными для изучения согласия представляются выявление новых документальных и письменных источников и проведение полевых исследований в районах расселения в прошлом общин рябиновцев.

Полевые исследования Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН совместно с Государственным Российским Домом народного творчества им. В. Д. Поленова⁸ в 2019 г. проводились в Чистопольском районе

Республики Татарстан. Маршруты экспедиций проходили по тем селам и деревням, которые в разных источниках отмечены как поселения с общинами старообрядцев-рябиновцев. В ходе полевой работы имелась возможность встретиться как с самими старообрядцами, так и с их потомками, окружающим православным населением и записать рассказы и воспоминания. В настоящей статье, взяв за основу собранный полевой материал, а также опубликованные источники, остановимся на некоторых аспектах функционирования старообрядческих общин и комплекса их представлений в изучаемом районе Нижней Камы.

Из истории старообрядческого согласия

Немногочисленные публикации, раскрывающие историю рябиновского согласия, сходятся в одном: местом его возникновения считаются г. Чистополь и сельская округа. В то же время другие обстоятельства появления рябиновцев дискуссионны. Временем возникновения согласия в источниках и исследованиях называются различные периоды: вторая половина — конец XVIII в., либо начало XIX в.⁹ Документальные источники, которыми располагают исследователи, в настоящее время относятся лишь к первой половине XIX в. Например, 1846 г. датируется рапорт на имя архиепископа Владимира, сообщавший об уклонении одной из семей с. Урахча от крещения сына по православному обряду.¹⁰ Среди регионов, откуда могло проникнуть учение рябиновцев на Нижнюю Каму, называют Нижегородскую, Пермскую и Самарскую губернии, Сибирь.¹¹ Однако это лишь предположения и гипотезы; источниками данные утверждения не подкреплены. Например, А. Гренков, описывающий старообрядцев Казанской губернии в середине XIX в., так характеризует возникновение согласия: начало рябиновского согласия в старообрядчестве Казанской губернии положили «беглые солдаты, козаки и ссыльные в Сибирь», пришедшие в эти места во время восстания под предводительством Е. И. Пугачева. Местному населению (Чистопольского уезда) они говорили, что пришли из Иерусалима и со святой горы Афон и что посланы Богом для укрепления православных в ситуации усиливающейся «Никоновой

³ Боровик Ю. В. Указ. соч.

⁴ Крестьянинов А. В. «Раскольничьи акты» рябиновцев первой половины XIX в. // Традиционная культура. 2016. № 4 (64). С. 172–178.

⁵ Латыпов И. Р. Численность старообрядцев Казанской губернии в XIX — начале XX в. // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 24–29; Он же. К вопросу отношений старообрядцев Казанской губернии с государством в период правления Николая I // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 13 (108). Вып. 19. С. 96–100; Он же. Развитие старообрядческих общин Казанской губернии в XIX — начале XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2011.

⁶ Мясникова И. В. Реконструкция бытового уклада рябиновцев (старообрядцев согласия по кресту) Закамья во второй половине XX в. по материалам устной истории и семейных архивов // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы конф. М., 2019. С. 161–166.

⁷ См.: Боровик Ю. В. Указ. соч. С. 298.

⁸ Авторы выражают благодарность всем участникам фольклорно-этнографической экспедиции, принимавшим участие в сборе и обработке полевого материала: Д. И. Вайману, В. Е. Добровольской, А. Б. Ипполитовой, Ю. С. Чернышевой, Т. И. Собяниной, И. А. Черных.

⁹ См.: Гренков А. Указ. соч. С. 220; Ивановский Н. И. Указ. соч. С. 44; Боровик Ю. В. Указ. соч. С. 298.

¹⁰ См.: Ивановский Н. И. Указ. соч. С. 44.

¹¹ См.: Там же. С. 48.

ереси».¹² А. Гренков считал, что подобная риторика легко находила отклик в сердцах простого местного населения, поскольку вызывала уважение связь этих проповедников со Святой Землей и Афоном. Пришедшие учителя принесли жителям окрестностей Чистополя старинные иконы и деревянные кресты, выполненные из рябины, поскольку считали, что именно на рябиновом кресте был распят Иисус Христос.¹³

Так или иначе, но территория Нижней Камы, Чистопольский и Лаишевский уезды Казанской губернии стали основным центром распространения согласия, откуда происходит его продвижение и в сопредельные регионы Поволжья и Урала.¹⁴ На территории Нижней Камы, по сведениям начала XX в., общины согласия отмечены в г. Чистополе, селах и деревнях Малый, Большой и Средний Толкиш, Елантово, Богородское Чистопольского уезда, Урахча, Мельниковский починок Лаишевского уезда.¹⁵

В начале XX в. рябиновцы отмечены не только на Нижней Каме в Казанской губернии, где в 1912 г. их числилось 3 134 человека, но и на сопредельных территориях Поволжья и Урала: они отмечены в количестве 2 207 человек в Вятской губернии, 7 948 человек в Уфимской губернии, 31 человека — в Оренбургской губернии, нескольких десятков в Пермской. Также последователи рябиновцев отмечены в Сибири, в Томской губернии, в количестве 201 человека. Всего в России, по сведениям 1912 г., численность согласия составляла 14 012 человек.¹⁶

Дискуссионным представляется вопрос об истоках вероучения рябиновцев: из какого согласия старообрядцев произошло их ответвление. Его связывали со спасовским и самокрещенским согласиями.¹⁷ Сошлемся на авторитетное мнение Ю. В. Боровик, которая высказывала предположение, что «рябиновское учение сформировалось под влиянием, с одной стороны, дискуссии о надписях на кресте, ведущейся между поморцами, федосе-

евцами и филипповцами».¹⁸ Рябиновцы стали заметным согласием в старообрядческой среде, но известны и схожие, локальные как географически, так и хронологически учения осиновцев, липовцев, березовцев.¹⁹

Особенности конфессиональной идентичности

Термины «рябиновское согласие», «рябиновцы», «рябиновщина» благодаря исследовательской литературе сегодня стали достаточно распространенными. В то же время следует констатировать, что, согласно полевым материалам, сами старообрядцы не используют их для самоопределения и часто не знакомы с ними даже в качестве эндоконфессионала. В этой связи следует сослаться на комментарий Н. И. Ивановского, который отмечает, что наименование согласия «рябиновщина» дано ему лишь по формальному признаку и не отражает самой сути данного течения в старообрядчестве, в то время как сами рябиновцы называют себя либо беспоповцами, «либо старообрядцами греческого исповедания».²⁰ В письмах, относящихся к 1840-м гг., опубликованных А. В. Крестьяниновым, представители рябиновского согласия обозначают себя как «старообрядцы без поповщина под именем покрещенцов Греческого Исповедания Кафолической Веры»; «Мы себя именуем старообрядцы беспоповщина Греческого исповедания кафолической веры» (с. Урахча).²¹ В названии документа зафиксировано: «Секта по простонародию называемая рябинова».²²

Полевые материалы также свидетельствуют о сохранении данных номинаций в официальных наименованиях согласия. Лидер общины г. Чистополя дает такое название согласия: «Наша вера? Единственное название веры — Греческая Кафолическая. Если другое название, то уже не наше. Это только вот Греческая Кафолическая — это и есть наша вера. А все остальные — это уже... как бы они ни похожи, но уже не наши. Я знаю, что мы староверы — всегда себя считали» (г. Чистополь, из с. Мельничный Починок).²³

В большинстве же случаев сами старообрядцы, как и их потомки, рассказывая о своих

¹² Гренков А. Указ. соч. С. 220.

¹³ См.: Там же. С. 221.

¹⁴ См.: Боровик Ю. В. Указ. соч. С. 299.

¹⁵ См.: Латыпов И. Р. Развитие старообрядческих общин... С. 211, 212.

¹⁶ См.: Боровик Ю. В. Указ. соч. С. 300; Латыпов И. Р. Численность старообрядчества... С. 28.

¹⁷ См.: Вургафт С. Т., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 244; Миловидов В. Ф. Современное старообрядчество. М., 1979. С. 122.

¹⁸ Боровик Ю. В. Указ. соч. С. 298.

¹⁹ См.: Палладий (архимандрит). Указ. соч. С. 143.

²⁰ Ивановский Н. И. Указ. соч. С. 47.

²¹ Крестьянинов А. В. Указ. соч. С. 175, 176.

²² Там же. С. 176.

²³ Здесь и далее сохранены индивидуальные особенности речи представителей согласия.

родных, для самоопределения используют чаще всего номинацию «староверы», реже — «старообрядцы»: «Обыкновенные старообрядцы... Ой, вы знаете, хоть какие старообрядцы, всё равно они староверы, они бежали по всем и, как могли, все молились Богу» (г. Чистополь, из с. Урахча); «Вот староверы и все, и больше ниче не знаем» (с. Малый Толкиш); «А я старовер чистый...» (с. Большой Толкиш).

Еще одним названием, которое часто используется для обозначения согласия, является номинация «согласие по кресту», чаще всего используемая как самоназвание.²⁴ Метрические книги начала XX в. по г. Чистополю старообрядческой общины включают данную номинацию: «Метрические книги о родившихся Чистопольской старообрядческой общины по Кресту согласия за 1907–1918».²⁵ С таким же названием упоминаются зарегистрированные общины в начале XX в. в Чистопольском и Лаишевском уездах: «община старообрядцев по Кресту согласия (рябиновцы), приемлющих браки в с. Малый Толкиш Чистопольского уезда».²⁶

Однако при опросах информаторов эта номинация не была зафиксирована. Возможно, что термин активно использовался в городских общинах, в то время как нашими информаторами в основном были те, кто представлял сельские общины. Можно также предполагать, что данное название было распространено в период активной жизни конфессиональных общин и было забыто к началу XXI в.

Маркеры конфессиональных границ

В ситуации, когда конфессионимы, как внутренние, так и внешние, не выстраивали конфессиональные границы, особое значение имели другие маркеры конфессии, отличавшие ее от других соседних старообрядческих согласий. Среди таких маркеров можно отметить несколько, на которые чаще всего указывали наши респонденты.

Обычным в условиях конфессионального диалога является определение «наши» и «не наши», которое часто не закрепляется в том или ином термине: «Я уж не знаю... я этих тонкостей тоже не знаю. Я знаю, что мы староверы — всегда себя считали. А другие — мы уже считаем, что это уже не наши. Это мно-

го всяких разных, но это всё уже не наше. А тонкостей я уже всех не знаю...» (г. Чистополь, из с. Мельничный Починок). Обычной для выстраивания конфессиональных границ в диалоге служит и номинация «другая вера»: «У меня муж старовер, но другая вера» (г. Чистополь). Среди конфессиональных соседей в некоторых случаях отдельно выделяют представителей поморского согласия: «Поморские тоже есть. Они близкие к нам. Они тоже староверы, близкие. Но они... есть у них отличия...» (г. Чистополь, из с. Урахча); «Есть эти, поморские. Вот эти на старом... там, староверском кладбище, там поморские...» (г. Чистополь).

К рассматриваемым маркерам можно отнести деревянные нательные кресты: «У нас крест кипарисовый деревянный, а у их — железный крест. Вот!» (с. Большой Толкиш). Кроме нательных деревянных крестов обязательным считалось наличие также деревянных крестов, выполненных отдельно или расположенных в киоте: «И деревянный крест должен быть всегда в семье. И тут есть деревянный крест» (г. Чистополь, из с. Урахча).

В г. Чистополе выходцы с правого берега Камы из с. Мельничный Починок и с. Урахча указывают на разницу в литых медных иконах «своих» и других старообрядческих согласий: «Вот у нас иконки все с Нерукотворным образом. Вот видите, у нас иконки, а на голове, значит, Нерукотворный образ. У них там точно такие же, значит, иконы, но они без образа Нерукотворного. Я не знаю почему. Я как не вдавалась в это — какая мне разница. А вот если я захожу и вижу, значит, такие иконы, я уже знаю, что они поморские. Вот поморские — они точно такие, но без Нерукотворного образа. Наверху головка. Это Нерукотворный образ там» (г. Чистополь, с. Мельничный Починок); «Даже иконы у них отличаются... наши и ихние...» (г. Чистополь, из с. Урахча).

Конфессиональные границы в некоторых случаях закреплены и пространственными локусами, например, на каком кладбище хоронят те или иные своих одноверцев: «Если наши хоронили на староверских кладбищах, у меня муж но другая вера они хоронят на обычных кладбищах» (г. Чистополь, поморское согласие); «Вот эти на старом... там, староверском кладбище, там поморские. А вот мы... относимся к этому, к нашему кладбищу, городскому» (г. Чистополь, из с. Урахча); «А вот сейчас возьмем, вот возьмем в Чистополе. Староверско

²⁴ См.: Боровик Ю. В. Указ. соч. С. 297.

²⁵ Мясникова И. В. Указ. соч. С. 166.

²⁶ См.: Латышов И. Р. Развитие старообрядческих общин... С. 211, 212.

кладбище у них, староверско кладбище. А нас туда не пустят! Даже ни под каким знаком не пустят. А почему? Потому что они другие, “отписные” староверы» (с. Большой Толкиш).

И, конечно, важными при выстраивании конфессиональных границ являются земляческие и родственные связи, происхождение тех или иных семей и родственников. В с. Мельничный Починок (современный Рыбнослободской район), например, почти все жители относились «к старой вере»: «Мы почти все родственники. Два дома было только не наших. <...> И то с одного дома тетя Маня была вот она жила, всё так же смотрела, они потом приняли нашу веру. Вот и всё. А остальные все наши были» (г. Чистополь, из с. Мельничный Починок). В с. Большой Толкиш Чистопольского района при определении конфессиональной принадлежности также часто обращаются к родословной: «Он же не старовер, он же крещённый в церкви. Мать-то не староверка была, только что отец старовер»; «А Коля, он не старовер? Он не старовер! А жена была староверка».

Нательные деревянные крестики

Использование деревянных крестов, как нательных, так и тех, что стоят на домашних божницах, является характерной особенностью согласия и наиболее заметным его маркером. Деревянные нательные кресты отмечали все информаторы: для большинства старообрядцев и их потомков важны их использование или хранение в доме. Часто нательные деревянные кресты, даже если они не носят постоянно, приготовлены для похорон.

И в настоящее время сохраняется изготовление деревянных крестов. В г. Чистополе производством деревянных нательных крестиков занимается одна из старообрядческих семей, которая традиционно изготавливала нательные кресты для общины: «У нас человек один, он делает: у него дед, прадед делал, а теперь ему это досталось. Он... по наследству делает» (г. Чистополь, из с. Мельничный Починок). Нательные крестики, изготовленные одним мастером, узнаваемы, имеют характерные особенности, одинаковы по размеру (см. цв. вклейку). В селах и деревнях, наоборот, видимо, не было одного мастера, который обеспечивал общину. Нательные кресты по этой причине имеют большие размеры, выполнены менее изящно. В настоящее время сельские старообрядцы часто приобретают деревянные

нательные кресты в г. Чистополе. Тенденцией последнего времени стало и использование деревянных крестов, приобретенных во время паломнических и туристических поездок по святым местам в Израиле. Все изученные нательные кресты — восьмиконечны.

Важным вопросом, связанным с деревянными нательными крестами, являются представления о материале, из которого они должны быть изготовлены. Комментарии информаторов свидетельствуют о бытовании различных мнений о том, почему нательные кресты должны быть именно деревянными. В одних случаях данная традиция соотнесена с представлениями о распятии Христа на деревянном кресте: «Исус Христос был распятый на деревянном кресте» (г. Чистополь), — в других — мотивирована иными причинами: «Железные — это для красы. Золотой, допустим. Любая железяка для красы. А деревянные — для души. Вот почему!» (г. Чистополь, из с. Мельничный Починок). Дореволюционные источники о рябиновцах отмечают и подчеркивают употребление рябины как основного материала для изготовления деревянных крестов.²⁷ В полевых материалах зафиксированы упоминания разных материалов для деревянных нательных крестиков: кедра: «[— Из какого дерева?] — Желательно кедрового» (г. Чистополь, из с. Мельничный Починок); кипариса: «Должны быть кипарисовые» (с. Малый Толкиш); «Да. Вот он этот крест... но он из кипариса делался раньше, и крестики вот эти нательные — они тоже кипарисовые, сейчас из яблони, из груши...» (г. Чистополь); «кипарисовы кресты» (с. Большой Толкиш).

Таким образом, кипарис в большинстве текстов и комментариев выступает единственным или предпочтительным вариантом при выборе материала для изготовления крестов. В то же время эти представления можно считать идеализированными и мифологизированными, что подкрепляется рассказами о том, как получали кипарис на Нижней Каме: «[— А вот смотрите, кипарисовы кресты, а где тут кипарис-то брали?] — Это стары люди откуда-то, я не знаю откуда. У меня вот у бабушки были эти кресты. Я не знаю, где они брали. Как по слухам... привезли это дерево из Иерусалима. А делили вот в этом, как его: сейчас в Чистополе собор есть, там какой-то был

²⁷ См.: Гренков А. Указ. соч. С. 221; Ивановский Н. И. Указ. соч. С. 47.

отдел — я не помню, даже не знаю, в каком году, был отдел. И вот привезли туда. Вот, в сбор это дерево. И вот они его разделили, и вот поровну» (с. Большой Толкиш).

В ряде случаев информаторы не знают и не задумываются о материале, из которого изготовлены кресты: «...не знамо какой уж... кто как делает, уж как он делает» (г. Чистополь, из с. Мельничный Починок). В других случаях допускается возможность использовать и местные породы деревьев: грушу, яблоню, березу, дуб, елку.

Таким образом, деревянные нательные кресты являются характерной особенностью старообрядцев рябиновского согласия, одним из маркеров конфессиональных границ. В то же время использование деревянных крестов, в том числе и нательных, характерно для православной традиции, но не является догмой, деревянные нательные кресты в качестве погребальных используются некоторыми группами старообрядцев.

Деревянные кресты, иконы и киоты

Деревянные кресты, выполненные отдельно или расположенные в киоте, также являлись обязательным элементом традиций этого согласия. В то же время изучение деревянных киотов и крестов позволяет нам предполагать неоднородность в целом традиции «согласия по кресту», наличие ряда локальных вариантов. В настоящее время нами выделены две местные традиции, на которых мы и остановимся подробнее.

1. Традиция сельских поселений Чистопольского района. Деревянные кресты и киоты

В качестве основного конфессионального атрибута в традиции выступают отдельные деревянные кресты и деревянные кресты, вложенные в деревянные киоты. Всего в ходе полевых исследований нами было изучено 3 отдельных деревянных креста и 26 киотов с вложенными крестами. Собранные материалы представляют традиции с. Большой и Малый Толкиш, Суворовка, Русские Сарсазы Чистопольского района. Для названия культовых предметов используется номинация «иконы», реже — «крест», «кресты». Культовые предметы были изучены большей частью в домах информаторов, где они располагались на божницах, а также в коллекции школьного музея с. Большой Толкиш.

Большая часть деревянных крестов — восьмиконечные. Отдельные кресты небольшие —

от 10–11 до 25 см, один из изученных крестов выполнен на основе — подставке. Отдельные кресты располагались на божницах. Самое большое число деревянных крестов составляют варианты, врезанные в деревянные доски. Форма доски при этом прямоугольная, реже — близкая к квадрату, в большинстве случаев доска не имеет навершия, один из образцов имеет полукруглое завершение в середине верхней части, несколько образцов имеют выступ в середине верхней части. Выступы у части экспонатов имеют отверстия, которые особо интерпретируются информаторами: «А вот эти дырочки — это “слухи”». Вот почему они так назывались — не знаю. Но вот она говорила, что это настоящая икона, “со слухами”» (с. Малый Толкиш).

Количество деревянных крестов, размещенных в деревянных досках, варьируется от одного до трех. Несомненно, что число одного, двух и трех крестов находит соответствие в цифровой символике в христианстве. В случае размещения двух крестов оба из них имеют одинаковый размер. При размещении на доске трех крестов центральный выполнен в большем размере. Технология изготовления врезанных крестов отличается особенностями изготовления перекладин; есть несколько образцов цельных крестов, выполненных из цельного куска дерева без деталей. В других вариантах отдельно могут быть выполнены одна, две или три перекладки, соединенные с вертикальной основой креста. В этом случае, так как образцы изготовлены разными мастерами, большую роль играют размер креста и возможности мастера; единой закономерности в изготовлении крестов и перекладин не выявлено. Кресты изготавливались отдельно, а затем вставлялись в доски, в специально вырезанные пазы. Из всех 26 изученных образцов на досках размещены только деревянные кресты. Только в одном случае, в «иконе» из д. Суворовки в киот между двумя крестами врезана медная литая икона Богородицы с прямоугольным навершием с изображением «Спаса на убресе».

Интересным представляется вопрос о материале для изготовления досок и крестов в «иконах». Как и в случае с нательными крестами, собранная информация не дает однозначного ответа; в качестве основного материала упоминается кипарисовый крест, врезанный в кипарисовую или липовую основу: «Ну в общем вот... у каких-то иконы железные,

а у нас кипарисовые. Да, деревянные» (с. Русские Сарсазы). В литературе XIX в. отмечается изготовление рябиновых крестов,²⁸ что не подтверждается полевыми материалами и рассказам информаторов.

Как отдельные деревянные кресты, так и «иконы» располагались на божницах. При этом в с. Большой Толкиш отмечали, что такие иконы размещали на отдельных божничках «в чуланах» (чулан в диалектной речи Нижней Камы — пространство избы перед печью, кухня), в то время как в переднем углу обычно стояли православные иконы. Наличие такой традиции связывают с тем, что в селе проживали и старообрядцы, и православные и в переднем углу на иконы в случае похоронных и поминальных ритуалов могли молиться и те и другие, а на деревянные «иконы» молились только свои. В настоящее время деревянные кресты и киоты располагаются на божничках наряду с другими иконами, в том числе изготовленные в начале XXI в. и приобретенные в последнее время в православных храмах. В комментариях информаторов отмечаются смешанный конфессиональный состав семей и присутствие на божнице всех семейных икон, доставшихся от родителей и родственников разного вероисповедания. Лишь в одном случае мы наблюдали отдельную божницу, на которой были размещены только деревянные «иконы» с крестами.

2. Традиция поселений Рыбнослободского района. Киоты с деревянным крестом и медными иконами.

Другой локальный вариант традиции деревянных крестов был характерен для правобережных районов и с. Урахча и с. Мельничный Починок. В этих общинах деревянные кресты размещались в художественно оформленных киотах наряду с медными крестами и медными литыми иконами. Всего в ходе полевой работы было исследовано 7 таких киотов, отнесенных нами к названной традиции. Они изучались в г. Чистополе, однако, как мы отмечали в разделе об особенностях общины, все они представлены в семьях выходцев из с. Урахча и с. Мельничный Починок Рыбнослободского района. Все изученные киоты выполнены из дерева, затонированного в темно-коричневый цвет, основу киотов составляет деревянное прямоугольное основание (из цельной или нескольких досок), по периметру

которого размещена рама. Для оформления киота характерна вариативность. Все киоты, за исключением одного, имеют фигурное навершие по всей ширине, при этом форма и характер оформления навершия не повторяются. Три киота имеют дополнительно точеные фигурные столбики с боков. Традиция художественного оформления киотов и сложившийся единый художественный стиль позволяют констатировать их создание одним мастером или группой мастеров в единой традиции. Рассказы информаторов также подтверждают эти наблюдения и свидетельствуют, что киоты выполнялись на заказ мастером из жителей деревни.

Деревянные и медные кресты с медными литыми иконами врезались в основание киота. Под каждый размещаемый предмет были сделаны соответствующие углубления. Особый интерес представляет набор крестов и икон в каждом киоте. Обязательным является наличие деревянного восьмиконечного креста и медного литого креста с распятием. В комментариях информаторы отмечают разницу и необходимость наличия именно данных двух крестов, при этом медный крест именуют распятием, а деревянный — крестом: «А крест... везде должен быть, это ведь крест. Это распятье медное, а крест должен быть сам себе крест. Потому что... на кресте же распяли Господа Бога. На кресте был распятый. Вот поэтому распятье это называется распятье. А это крест...» (г. Чистополь, из с. Мельничный Починок). Лишь на одном киоте были размещены два деревянных креста и распятие. На 5 изученных киотах имеются круглые медные литые иконки с надписью по краю «СЕ АГНЕЦЪ БЖИИ ВЗЕМЛЯА ГРЪХИ ВСЕГО МИРА». В центре — изображение Креста Господня на Голгофе. Надписи «ЦРЬ СЛВ», «НИ КА», «ИС ХС», «К» (копие), «Т» (трость), «Р Б» (рай бысть), «М Л» (место лобное), «Г А» (глава Адама). В одном из киотов об утрате данного медальона свидетельствует круглое отверстие. Среди набора медных литых икон следует отметить наиболее частотные: Николай Чудотворец (6), «Сошествие во ад» (4), Божья Матерь (4), «Господь Вседержитель» с предстоящими (4), «Троица» (3), Рождество Богородицы (2) и другие. Все металлические иконы, а также распятия снабжены навершием в виде иконы «Спас на убресе»: «Вот у нас иконки все с Нерукотворным образом. Вот видите, у нас иконки, а на голове,

²⁸ См.: Гренков А. Указ. соч. С. 221.

значит, Нерукотворный образ. Я не знаю почему. Я как не вдавалась в это — какая мне разница. <...> А вот если я захожу и вижу, значит, такие иконы, я уже знаю, что они наши. Наверху головка это Нерукотворный образ там» (г. Чистополь, из с. Мельничный Починок).

Таким образом, можно отметить, что обязательной составной частью деревянных киотов являются гладкий деревянный крест и медное распятие. Наиболее частотные иконы — круглый медальон с Голгофой, иконы «Сошествие во ад», «Божией Матери», «Николай Чудотворец» и др. Данные сюжеты являются одними из самых популярных в православной традиции, в том числе и у старообрядцев.

Таким образом, собранный этнографический материал позволяет уточнить многие детали и определить некоторые особенности данного старообрядческого согласия. Этнографические исследования и материалы расширили комплекс представлений о нем, что существенно дополняет имеющиеся к настоящему времени сведения из ранних источников. Следует отметить сохранение «согласия по кресту» в конфессиональной карте Нижней Камы до настоящего времени и в то же время

затухание активной конфессиональной жизни в большинстве сельских общин в конце XX в., сохранение лишь одной действующей общины в изучаемом районе. Конфессиональная идентичность группы размыта, не было выявлено отдельных номинаций для ее названия и лингвистических маркеров согласия.

Главная и характерная особенность согласия, на что указывали исследователи XIX — начала XX в., заключается в использовании деревянных крестов — как нательных крестов, так и киотов с деревянными крестами — и наличию системы представлений, связанных с ними. Выявленный и проанализированный нами комплекс предметов позволяет предполагать отсутствие единой для согласия традиции и существование не только нескольких локальных вариантов использования и размещения деревянных крестов, но и различных особенностей вероучения и конфессиональной жизни.

В статье проанализированы лишь некоторые аспекты конфессиональной характеристики согласия, собранный материал позволяет также дать характеристику ритуальной сферы в контексте семейной обрядности (крещения, свадебной и похоронно-поминальной обрядности), что будет предпринято в последующих публикациях.

Alexander V. Chernykh

Member of the RAS, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the RAS (Russia, Perm)
E-mail: atschernykh@yandex.ru

Artyom V. Vostroknutov

Candidate of Historical Sciences, Perm State Humanitarian-Pedagogical University (Russia, Perm)
E-mail: art-vostr@mail.ru

IDENTITY AND CONFESSIONAL MARKERS OF PRIESTLESS OLD BELIEVERS
OF THE LOWER KAMA ON THE MATERIALS OF ETHNOGRAPHIC EXPEDITIONS

The study is devoted to one of the rarest and almost uninvestigated groups of Priestless Old Believers of the Volga Region and the Urals. Basing on field ethnographic sources and taking into account published sources and literature it discusses the specificity of confessional identity including linguistic naming of priestless religious groups. The study defines the blurring of their modern image and the use of the term “Old Believer” to mark one’s confessional identity in the conditions of complex multi-confessional community of the territory. It also defines the main confessional markers discussing in detail the functions and specificity of underwear crosses as well as wooden crosses and icon cases, the most typical and the most significant attributes of a priestless religious group. Ethnographic studies and gathered materials broadened the understanding of priestless religious groups considerably expanding the existing information from earlier sources and literature. The revealed and analyzed complex of objects allows to suppose the absence of a unite tradition and the existence of several local variants of not only use and placement of wooden crosses but also of the specificity of dogmas and confessional life. The article analyses the peculiarities of modern religious communities functioning in the Lower Kama. It acknowledges certain crisis in transferring confessional traditions and the destruction of communities’ considerable activity during recent decades.

Keywords: *Old Believers, Lower Kama, priestless religious groups, confessional identity, confessional borders*

REFERENCES

- Borovik Yu. V. ["In our country, those of different senses and different concepts ... overfilled" (On the history of some Old Believer consent of the Urals and Trans-Urals in the beginning of the 20th century: Spassovtsy, Ryabinovtsy, Samokresty)]. *Problemy istorii Rossii. Ot Srednevekov'ya k Sovremennosti* [Problems of Russian History. From the Middle Ages to the Present]. Ekaterinburg: Volot Publ., 2005, iss. 6, pp. 294–315. (in Russ.).
- Krestyaninov A. V. [The "schismatic acts" of Ryabinovtsy of the first half of the 19th century]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture], 2016, no. 4 (64), pp. 172–178. (in Russ.).
- Latypov I. R. [Relations of the Kazan province's Old Believers with the State in the reign of Nicholas I]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Scientific reports of Belgorod State University. Series: History. Political science. Economy. Computer science], 2011, no. 13 (108), iss. 19, pp. 96–100. (in Russ.).
- Latypov I. R. [The number of Old Believers of the Kazan province in the 19th — early 20th century]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Izvestiya of Saratov University. New series. Series: History. International relations], 2011, vol. 11, iss. 1, pp. 24–29. (in Russ.).
- Latypov I. R. *Razvitiye staroobryadcheskikh obshchin Kazanskoy gubernii XIX — nachalo XX v.: kand. diss.* [Development of the Old Believer communities of the Kazan province of the 19th — the beginning of the 20th century: Diss. Cand.]. Kazan, 2011. (in Russ.).
- Milovidov V. F. *Sovremennoe staroobryadchestvo* [Modern Old Believers]. Moscow: Mysl' Publ., 1979. (in Russ.).
- Myasnikova I. V. [Reconstruction of the everyday life of the Ryabinovites (Old Believers of the consent of the cross) of the Trans-Kama river region in the second half of the 20th century based on oral history and family archives]. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'. Materialy konferentsii* [Old Believers: history, culture, modernity. Conference proceedings], Moscow: Muzei istorii i kul'tury staroobryadchestva Publ., 2019, pp. 161–166. (in Russ.).
- Vurgaft S. T., Ushakov I. A. *Staroobryadchestvo. Litsa, sobytiya, predmety i simvoly. Opyt enciklopedicheskogo slovarya* [Old Believers. Faces, events, objects and symbols. The experience of the encyclopedic dictionary]. Moscow: Tserkov' Publ., 1996. (in Russ.).

1 — нательные крестики (с. Малый Толкиш); 2, 3 — иконы с деревянными крестами (с. Большой Толкиш);
4 — деревянный крест на подставке (с. Малый Толкиш); 5 — икона с деревянными крестами (с. Малый Толкиш);
6 — божница с иконами (с. Большой Толкиш).
Республика Татарстан, Чистопольский район, 2019 г.

Божница с современными иконами и иконой с деревянными крестами (с. Малый Толкиш)

Киот, традиция с. Мельничный Починок
(г. Чистополь)

Киот, традиция с. Урахча
(г. Чистополь)

Республика Татарстан, Чистопольский район, 2019 г.